

Роберт Стивенсон

«Веселые ребята»

Роберт Льюис Стивенсон
«Веселые ребята»

«Public Domain»

1882

Стивенсон Р.

«Веселые ребята» / Р. Стивенсон — «Public Domain», 1882

«Это было в конце июля, когда я в одно прекрасное, теплое утро в последний раз отправился пешком в Арос. Накануне вечером шлюпка отвезла меня на берег, где я высадился в Гризаполе. Позавтракав чем Бог послал в единственной маленькой гостинице и оставив там весь свой багаж до тех пор, пока мне представится случай приехать за ним морем, я с легким сердцем перешел через мыс...»

Содержание

Глава I	6
Глава II	10
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Роберт Стивенсон «Веселые ребята»

* * *

Глава I

Арос

Это было в конце июля, когда я в одно прекрасное, теплое утро в последний раз отправился пешком в Арос. Накануне вечером шлюпка отвезла меня на берег, где я высадился в Гризаполе. Позавтракав чем Бог послал в единственной маленькой гостинице и оставив там весь свой багаж до тех пор, пока мне представится случай приехать за ним морем, я с легким сердцем перешел через мыс.

Я не был уроженцем этих мест, а происходил из племени коренных жителей равнин, но мой дядюшка Гордон Дарнэуей, после печально и бурно проведенной молодости и нескольких лет плавания по морям, женился на молодой девушке с этого острова. Мэри Маклин, так звали эту девушку, была последняя в роде, и когда она умерла, одарив дядю дочерью, то приморская ферма Арос перешла к дяде, который и стал владеть ею.

Ферма эта не приносила ему, как мне хорошо было известно, никакого дохода, а только давала ему возможность существовать, но так как дядя мой был человек, которого во всем преследовала неудача, то, будучи к тому же обременен ребенком, он не решался пуститься в какие-нибудь новые предприятия и остался в Аросе, тщетно ропща на судьбу. Проходили годы, не принося ему в его уединении ни облегчения, ни удовлетворения. Тем временем наша семья стала мало-помалу вымирать. Нашему роду вообще не везло, и мой отец был, пожалуй, счастливейший из всех. Он не только прожил дольше других, но и оставил после себя сына, унаследовавшего от него его имя и немного деньжонок, давших сыну возможность с честью поддерживать достоинство нашей фамилии. Я был студентом Эдинбургского университета и недурно существовал на свои небольшие доходы, не имея ни близких, ни родных, когда какие-то вести обо мне дошли до моего дяди на его мысе Росс у Гризаполя. Так как дядя принадлежал к числу людей, придающих большое значение кровным узам родства, то он поспешил написать мне в тот же день, как только узнал о моем существовании, и просил меня считать его дом своим. Таким образом случилось, что я провел свое vacationное время в этой дикой, уединенной местности, вдали от общества и комфорта, в приятной компании трески и глухарей и теперь, покончив расчеты с науками, снова вернулся сюда в этот июльский день с легким сердцем и в радостном настроении.

Мыс, носящий название Росс, не слишком широк и не слишком высок, но он и до сего дня остался таким, каким его при создании мира сотворил Бог. Море по обе его стороны очень глубоко и усеяно бесчисленными скалами, островами и рифами, чрезвычайно опасными для моряков. С восточной стороны над ними господствуют высокие утесы, над которыми возвышается громадный пик Бэн-Кью. Как говорят, слова эти на гэльском языке означают «Гора Тумана», и название это вполне заслуженное, так как вершина пика, достигающая более трех тысяч футов высоты, задевает все облака и тучи, несущиеся с моря, и вечно скрывается в тумане. Часто мне приходила мысль, что этот пик сам порождает туманы, потому что даже тогда, когда весь горизонт был чист и на небе не было ни единого облачка, над Бэн-Кью всегда точно выпел висел туман. Там всегда было влажно и сыро, вследствие чего этот пик до самой вершины был покрыт мхом. Помню, сидишь, бывало, на мысе, все крутом залито солнцем, а там, на горе, льет дождь, и вершина ее точно окутана черными тучами. Но и это обилие влаги придавало в моих глазах иногда особую красоту этой горе. Когда в нее ударял свет солнца и освещал ее скаты, то мокрые скалы ее и бесчисленные ручейки дождевой воды, сбегавшие по ним, искрились и сверкали как алмазы, и это было видно даже из Ароса, на расстоянии пятнадцати миль.

Дорога, по которой я шел, была проложенная скотом тропа, до того извивавшаяся во все стороны, что удлиняла путь чуть не вдвое; пролегалла она по большим каменным глыбам и валунам, так что приходилось перепрыгивать с одного на другой, или же шла по топкому моховому болоту, в котором ноги вязли чуть не по колено. Кругом ни малейшего признака культуры, и на протяжении всех десяти миль, от Гризаполя до Ароса, не было видно ни одного жилья. Но жилье было, – кажется, всего три домишки, и те стояли так далеко от дороги, затерянные в глуши, что не знакомый с местом человек никогда бы не мог отыскать их. Очень значительная часть мыса Росс сплошь усеяна гранитными скалами и утесами, и многие из них по величине больше хорошего крестьянского дома с двух горницами. Между скалами пролегают небольшие ущелья, поросшие папоротниками и вереском, и в них гнездятся ядовитые змеи. С какой бы стороны ни дул ветер, воздух здесь всегда морской, соленый и влажный, как на палубе судна. Чайки здесь такие же полноправные хозяева, как и глухари и всякая другая болотная птица, и везде, где дорога идет верхом, всюду ваш глаз ласкают сверкающие вдали волны моря. Даже и совсем далеко от берега, при ветре, на высоких местах, я слышал рев Руста, бушующего у Ароса, и грозные страшные голоса бурунов, прозванных «Веселыми Ребятами». Сам Арос, Арос-Джей, как его называют здешние жители, от которых я слышал, что это название в переводе значит «Дом Божий», сам Арос не составляет, собственно говоря, части Росса, но вместе с тем это и не совсем остров; он представляет собою юго-западную конечность мыса и прилегает к нему можно сказать вплотную; только в одном месте его отделяет от мыса узкий пролив, или канал, местами не имеющий даже сорока футов ширины. Во время сильных приливов вода в нем остается спокойной, как река выше запруды, или как тихий сонный пруд, с тою только разницей, что вода здесь зеленая, как в море, и водоросли, и рыбы тут тоже другие, чем в пруде; во время же отливов, дня два или три в каждом месяце, можно, не промолив ног, переходить с Ароса на мыс и обратно. У дяди на Аросе были хорошие пастбища, на которых паслись его овцы, представлявшие собою главную статью его скромного дохода. Может быть, травы здесь на лугах были лучше потому, что уровень Ароса значительно выше уровня самого мыса Росс, но я в этом вопросе не судья. Дом у дяди, по местным условиям, был даже очень хороший: двухэтажный, каменный, обращенный лицом на запад, к маленькой бухте, на которой устроена была маленькая пристань для шлюпок; стоя на пороге дома, вы видели перед собой море и облака, бегущие к вершине Бэн-Кью, и могли досыта любоваться этим великаном.

На всем протяжении береговой линии мыса, а особенно у Ароса, громадные гранитные утесы толпами выдвинулись в море и стояли, точно стадо, ищущее прохлады в знойный полдень, по колена в воде. Казалось, что эти утесы совсем такие же, как их братья там, на берегу, – на суше, только вместо неподвижно лежащей безмолвной земли у их ног неумолчно рыдали и бились зеленые волны; вместо вереска их украшали клубы белой пены, вместо ядовитых змей у подножия их скользили и извивались морские угри. В тихую погоду можно было, сев в лодку, часами кататься между этих скал и утесов, и только тихое эхо ласково сопровождало вас по всему лабиринту, но когда море было беспокойно, страшно становилось за человека, которому Бог привел бы услышать, как ревет и бурлит, и кипит этот адский котел.

С юго-западной стороны Ароса утесов этих очень много, и здесь они значительно крупнее и выше, а уходя дальше в море, становятся еще выше и грознее. На целые десять миль уходят они в открытое море и там теснятся друг к другу, как избы маленькой деревеньки; одни торчат высоко над водой, так что даже во время прилива высятся футов на тридцать над волнами, – другие же почти совсем покрыты водою, и оттого еще более опасны для судов. Как-то раз в ясный день при западном ветре я насчитал с высшей точки Ароса сорок шесть таких подводных рифов, о которые, пенясь, тяжело разбивались морские валы. Ближе к берегу эти рифы еще опаснее, потому что здесь прилив, стремящийся вперед с силой и быстротой мельничного протока, образует сплошную гряду бурунов, названную «Руст»; эта гряда одной непрерывной линией огибает весь мыс, образуя перед ним заграждение. Я не раз бывал там в мертвый штиль,

когда прилив был на убыли. И странное впечатление создавалось в этом месте от страшного водоворота, бушующего, пенящегося и рвущегося вперед с неистовым ревом, и тихого ропота прибоя, там, дальше, у самого берега, доносившегося сюда по временам: казалось, будто Руст говорит сам с собой. Но во время прилива, или когда море неспокойно, ни один человек не подойдет к Русту на лодке ближе, чем на полмили, и ни одно судно не уцелеет в этих водах. На шесть миль от берега слышен рев прибоя, особенно сильного с той стороны мыса, которая обращена в открытое море. Здесь громадные буруны, сшибаясь друг с другом, словно пляшут страшную пляску смерти; эти-то буруны и получили название «Веселых Ребят». Говорят, что здесь они достигают пятидесяти футов вышины, но это, вероятно, относится только к тяжелым зеленым валам, потому что серебристая белая пена и брызги взлетают вдвое выше. Получили они такое название от того, что так бешено кружатся в дикой, стремительной пляске, или же от того, что так громко режут и шумят при каждой новой смене прибоя, что весь Арос дрожит от их страшного рева, – этого я вам сказать не могу.

Несомненно верно, однако, что при юго-западном ветре эта часть нашего архипелага является настоящей западней, волчьей ямой для судов. Если бы судну удалось благополучно миновать рифы и уцелеть среди «Веселых Ребят», его все равно выбросило бы на мель, на южный берег Ароса, в бухте Сэндэг, где на нашу семью обрушилось столько невзгод, о которых я и намерен вам рассказать. Воспоминание о всех этих опасностях, в так хорошо знакомых мне местах заставляет меня теперь приветствовать с особой радостью начавшиеся там работы по установке маяков на мысе и бакенов в проливах между нашими негостеприимными островами.

У местных жителей сложилось много разных сказаний и преданий об Аросе; я их слышал от дядиноного слуги Рори, бывшего старого слуги Маклинов, перешедшего после свадьбы, без лишних рассуждений, по наследству к дяде вместе со всем остальным имуществом этой семьи. Так, существовало поверье о каком-то несчастном существе, водяном духе, будто бы живущем среди бурунов Руста и совершающем там свои страшные дела. Рассказывали также про русалку, встретившуюся на берегу Сэндэгской бухты юноше, который играл на свирели; она, говорят, пела ему всю ночь свои чудные песни, а наутро его нашли совершенно безумным, и с той поры и до самой своей смерти он постоянно твердил одни и те же слова; какие это были слова на подлинном гэльском наречии, я не знаю, но в переводе они значили: «Ах, что за дивное пение слышится с моря!»

Утверждали еще, что тюлени, часто посещающие эти берега, говорили с людьми на их родном языке и предвещали большие несчастья. Здесь же, как говорят, некий святой, прибывший сюда из Ирландии, высадился на берег, и, пожалуй, этот святой действительно имел некоторое право считаться святым, если на тогдашних судах мог совершить подобное путешествие, да еще пристать невредимым в таком предательски опасном месте берега. Это поистине было весьма похоже на чудо! Ему или другому из подчиненных ему монахов, построившему келью в этом месте, наш островок обязан своим божественным и прекрасным названием «Дом Божий».

Но в числе всех этих бабьих сказок было одно предание, которое я всегда был склонен слушать, и даже готов был поверить ему. Предание это гласило, что во время той страшной бури, которая разбила и рассеяла по всему северному и западному побережью Шотландии суда «Непобедимой Армады», один из громаднейших ее кораблей был выкинут на мель у Ароса и на глазах нескольких местных жителей, видевших это крушение с вершины одной скалы, в один момент затонул и пошел ко дну со всем своим экипажем и развевающимся на его мачте флагом. В этом рассказе не было ничего невероятного, тем более, что другое судно этой флотилии лежит в двадцати милях от Гризаполя. Об этом говорили не столь таинственно и с большими подробностями, как мне казалось, причем одна из этих подробностей в моих глазах являлась особенно убедительной. В памяти жителей сохранилось название этого судна, и название это было испанское – «Espíritu Santo». Затонувший корабль нес много орудий и был многопалубным судном, с грузом несметных богатств. На нем, говорят, находились надменные гранды

Испании и сотни свирепых испанских солдат. Все они спят давно мертвым сном, распростившись навеки и со смелыми дальними плаваниями, и с военными подвигами, там, на дне нашей глубокой Сэндэгской бухты, западнее Ароса. Не салютует больше громовыми выстрелами по команде капитана это славное судно, и нет для «Espiritu Santo», то есть «Духа Святого», ни попутных ветров, ни счастливых случайностей, а лежит оно там и гниет, зарастая зеленой морской тиной, глубоко на дне, и не слышит даже громкого рева «Веселых Ребят», когда они грозно бушуют, высоко вздымаясь над ним. Странно и жутко было мне слушать этот рассказ от начала и до конца – и чем больше я узнавал об Испании, откуда вышел в море этот гордый корабль с его грандами, воинами и солдатами, с его несметными богатствами и несбывшимися надеждами, чем ближе я знакомился с личностью Филиппа II, по воле которого оно вышло в море, тем таинственнее и страннее казалась мне эта повесть о затонувшем здесь судне.

И теперь, идя из Гризаполя в Арос, я, надо признаться, много думал о «Espiritu Santo». Зимой я удостоился внимания известного писателя доктора Робертсона, бывшего в ту пору ректором нашего Эдинбургского колледжа; по его поручению мне пришлось разбираться в старых документах и бумагах и отбирать негодные, и вот, среди этого старого хлама, я, к великому моему удивлению, нашел документ, относящийся именно к этому затонувшему судну «Espiritu Santo»; в документе значилось имя его капитана и упоминалось о громадных богатствах, находившихся на нем, представлявших собою большую часть испанской казны, а также говорилось, что корабль этот погиб близ мыса Росс у Гризаполя. Но в каком именно месте это славное судно затонуло, местное полудикое население того времени не захотело указать, несмотря на все запросы, сделанные от имени короля. Сопоставляя наше местное предание с заметкой о предпринятых королем Иаковом реквизициях испанских сокровищ, в моем мозгу крепко засела мысль, что место, о котором тщетно старался узнать король, была именно маленькая бухта Сэндэг, составлявшая часть владений моего дяди. Будучи парнем с практическим складом ума, я с того времени постоянно стал думать о том, как бы поднять со дна моря этот чудесный корабль со всеми его богатствами, слитками золота, бесчисленными серебряными унциями и золотыми дублонами и с их помощью вернуть давно утраченный блеск и богатство нашему роду Дарнэуей.

Впрочем, мне вскоре пришлось пожалеть и раскаяться в этих мечтах. Я вообще был склонен к размышлениям, но после того, как мне довелось быть свидетелем суда Божьего над людьми за подобные мечты и желания, мысль о сокровищах и богатствах умерших людей стала для меня невыносимой. Однако я должен сказать в свое оправдание, что и ранее того мною руководило не чувство алчности, и если я желал богатств, то отнюдь не для себя, а для существа, которое было особенно дорого моему сердцу, для Мэри Эллен, дочери моего дяди. Она была прекрасно воспитана и даже некоторое время обучалась в Англии, что едва ли способствовало ее счастью, потому что после того Арос перестал быть подходящим для нее местом ввиду полного отсутствия всякого общества, кроме старика Рори, их старого слуги, и ее отца, несчастнейшего человека во всей Шотландии. Выросший в простой деревенской обстановке, дядя долгие годы плавал шкипером у островов, лежащих в устье Клайда, а после женитьбы поселился здесь и теперь с непреодолимым недовольством занимался овцеводством и прибрежным рыболовством ради насущного пропитания. Если мне иногда становилось невыносимо в этой обстановке, где я проводил каких-нибудь полтора или два месяца в году, то можно себе представить, каково было ей, бедняжке, жить здесь круглый год в этой безлюдной пустыне, где она могла видеть только овец на лугах да пролетающих с моря над мысом чаек и слушать их тревожный резкий крик и отдаленный грозный шум пляшущих и бушующих там, на Русте, «Веселых Ребят».

Глава II

Что принесло Аросу погибшее судно

Прилив уже начался, когда я подошел к Аросу; мне оставалось только, стоя на берегу, ждать, когда Рори услышит мой свист и приедет за мной на лодке. Мне не пришлось повторять мой сигнал, потому что при первом звуке Мэри выбежала на порог дома и стала махать мне платком, а старый долговязый слуга поплелся к пристани. Как он ни торопился, все же потребовалось немало времени, чтобы переплыть бухту и войти в канал. Наблюдая за ним, я заметил, что он несколько раз бросал весла и шел на корму, где, перегнувшись вперед, напряженно смотрел в воду. Он показался мне похудевшим и состарившимся, а, кроме того, я заметил, что он избегал встречаться со мной взглядом. Заметил я также, что лодку починили; сделали в ней две новые банки и положили несколько заплат, все из какого-то очень ценного заморского дерева.

– А ведь это очень дорогое и редкое дерево, Рори, – сказал я, когда мы тронулись в обратный путь, – откуда вы раздобыли его?

– Оно слишком твердо, не годится для поделок, – уклончиво ответил Рори и опять бросил весла и подошел к корме, как делал это несколько раз, едучи за мной; опершись рукой о мое плечо, он устремил на кильватер тревожный взгляд, в котором ясно читался ужас.

– Что там такое? – спросил я, невольно обеспокоенный.

– Должно быть, большая рыба, – сказал старик и снова взялся за весла.

Ничего более я не мог от него добиться, но я видел, что он как-то странно озирался и многозначительно кивал и качал головой. Против воли я почувствовал, что его беспокойство передается и мне и заражает меня какой-то смутной тревогой. Обернувшись назад, я стал тоже всматриваться в струю кильватера. Вода была светлая и прозрачная, но здесь, на середине бухты, было страшно глубокое место, и я некоторое время решительно ничего не видел в воде, а затем мне показалось, будто что-то темное, какая-нибудь большая рыба или просто какая-то тень упорно следовала за кормой лодки. При этом мне невольно вспомнился один из суеверных рассказов того же Рори о том, как на одном перевозе, на реке Морена, в ту пору, когда отдельные кланы вели один с другим ожесточенную междоусобную войну, какая-то громадная рыба, подобной которой никто никогда не видал в этой реке, в продолжение многих лет постоянно и неотступно следовала за паромом, так что в конце концов ни один человек не решался более переправляться в этом месте через реку.

– Она, верно, ждет намеченного человека! – мрачно заметил Рори и опять замолчал.

Мэри встретила нас на отмели, и затем все мы пошли за ней вверх по склону горы к дому. Как снаружи, так и внутри дома было много перемен: сад был обнесен новой изгородью из того же драгоценного дерева, которое обратило на себя мое внимание там, в лодке; в кухне стояли кресла, обитые пестрой парчой; такие же парчовые занавеси висели на окнах; на буфете стояли безмолвствующие часы из дорогой бронзы; с потолка спускалась массивная бронзовая лампа художественной работы. Стол был накрыт тончайшей скатертью и уставлен дорогим серебром. И все эти богатства красовались в скромной дядиной кухне, столь хорошо знакомой мне, рядом с ее деревянными скамьями с высокими спинками и простыми табуретами, рядом с ларем, служившим кроватью для Рори, и громадным камином, в который заглядывало солнце, и где постоянно тлели торфяные плитки, со скромной каминной доской, на которой всегда лежал целый подбор трубок, и где по углам на полу стояли треугольные плевались, наполненные мелкими ракушками вместо песка. Бронза и серебро выглядели странно в этой кухне с голым полом и голыми каменными белеными стенами, с тремя пестрыми половиками домашней работы, исстари служившими единственным украшением этой кухни, – теми тря-

пичными половиками, которые являются роскошью бедняков и которых в городах почти нигде не видишь. За дверью на гвозде, как всегда, висело воскресное платье, а на ларе лежала аккуратно сложенная клеенка, настилавшаяся на банки лодки. Эта кухня, да и весь этот дом всегда были своего рода чудом, образцом чистоты и опрятности для всей этой страны; так здесь было всегда красиво и уютно, а теперь кухня казалась как будто пристыженной всеми этими несоответствующими добавлениями к ее обычной обстановке, и это возбудило во мне чувство негодования, почти гнева. Конечно, принимая в соображение те намерения, с какими я приехал теперь в Арос, подобные чувства были несправедливы и неосновательны с моей стороны, но в первый момент у меня невольно вскипело сердце.

– Мэри, дитя мое! Я привык считать этот дом своим, а теперь я его не узнаю! – воскликнул я.

– Моим он был всегда, – ответила она, – здесь я родилась, здесь выросла и, вероятно, здесь и умру, и мне тоже не по душе эти перемены. Не нравится мне ни то, как они произошли, ни то, что пришло в дом вместе с ними. Видит Бог, я предпочла бы, чтобы все это лежало спокойно на дне моря, и чтобы над этими драгоценностями теперь плясали и резвились «Веселые Ребята».

Мэри была всегда очень серьезна. Это была единственная черта, унаследованная ею от отца, но тон, каким она проговорила эти слова, мне показался даже более серьезным, чем обыкновенно.

– Боюсь, что все это попало сюда благодаря крушению судна и смерти хозяев. Но ведь после смерти отца унаследовал же я от него и деньги, и вещи, и все его имущество и не испытывал при этом никаких упреков совести.

– Да, но твой отец умер своей естественной смертью, как говорят, – возразила Мэри, – и все перешло тебе по его воле.

– Правда, а крушение – это как бы суд Божий! Как звалось это судно? – спросил я.

– Звалось оно «Christ-Anna», – произнес голос за моей спиной, и, обернувшись, я увидел дядю, стоявшего на пороге.

Это был вечно недовольный, маленький желчный человек, с длинным, узким лицом и темными глазами; в пятьдесят шесть лет он был бодр и крепок физически и походил не то на пастуха, не то на человека морской профессии. Он никогда не смеялся, по крайней мере, я никогда не слышал его смеха; подолгу он внимательно читал свою Библию и долго молился по примеру всех камеронцев, среди которых он вырос, и вообще он во многих отношениях напоминал мне одного из шотландских проповедников мрачной дореволюционной эпохи. Но благочестие его не приносило ему ни утешения, ни просветления, хотя временами он впадал в меланхолию под впечатлением страха перед адом. Вообще он как бы с некоторой завистью вспоминал свою прежнюю суровую жизнь и, несмотря на эти приступы меланхолии, оставался все тем же суровым, холодным и угрюмым человеком.

Когда он вошел в дверь прямо с яркого солнца и остановился на пороге с шапкой на голове и коротенькой трубочкой, висящей на пуговице, он показался мне постаревшим и побледневшим, как и Рори, и морщины, бороздившие его лицо, стали как будто резче и глубже, а белки его глаз стали желтыми, как пожелтевшая слоновая кость или же как кости мертвецов.

– Да, «Christ-Anna», – повторил он, делая ударение на первом слове, – это страшное название.

Я поздоровался с ним и выразил свое удовольствие по поводу его бодрого и здорового вида. Я подумал, что, может быть, он был болен.

– И в здоровье, и в грехах наших мы подобны друг другу, – заметил он довольно нелюбезно. – Обедать! – отрывисто крикнул он Мэри и затем снова обратился ко мне: – А не правда ли, важнецкую мы тут бронзу раздобыли? Видишь, какие прекрасные часы? Только они не идут; а столовое белье! Настоящее!.. И вот за такие-то вещи люди продают свой душевный мир, это положительно непостижимо; за все это, в сущности стоящее не больше мешка раку-

шек, люди Бога забывают, Богу в лицо смеются и затем в пекле пекутся! Вот почему в Священном Писании, как я читал, все это называется «проклятым». Мэри, девочка моя, почему ты не вынула и не поставила на стол тех двух шандалов?

– А к чему они нам среди белого дня? – спросила девушка.

Но дядя стоял на своем.

– Мы станем любоваться ими, пока можем, – сказал он.

И сервировка стола, и так уже не соответствующая обстановке этой простой приморской фермы, обогатилась еще двумя прекрасными серебряными шандалами дивной работы.

– Судно выкинуло на берег десятого февраля, в десять часов ночи или около того, – продолжал дядя, обращаясь ко мне. – Ветра совсем не было, только легкая зыбь пробегала по морю; мы с Рори видели его еще раньше, как оно лавировало вдали. Эта «Christ-Anna», думается мне, совсем не слушалась руля. Плохо им, как видно, приходилось, и целый-то день они возились со своими парусами, а холод был проклятый, и снег... и только подует ветерок, и опять ничего нет... только напрасной надеждой морочил бедняг. Да, скажу тебе, трудный им выпал этот последний денек, и тот из них, которому удалось бы живым выбраться на берег, мог бы смело гордиться этим.

– И неужели все погибли? – воскликнул я. – Помоги им Бог!

– Тсс... – мрачно остановил меня дядя. – Никто у моего очага не смеет молиться за умерших!

Я отрицал религиозное или молитвенное значение моего возгласа, и дядя с удивительной готовностью принял мое оправдание и продолжал говорить о том, что, по-видимому, сделалось любимой его темой.

– Мы нашли «Christ-Anna» в Сэндэгской бухте, и в ней всю эту бронзу и серебро и всякое добро. Бухта эта, видишь ли, настоящий котел; когда там «Веселые Ребята» расшумятся и прибой начинает свирепствовать, так шум нашего Руста слышен в самом дальнем конце Ароса; и тогда образуется встречное нижнее течение, прямо в Сэндэгскую бухту. Этот водоворот, как видно, и подхватил «Christ Anna» и выкинул судно на утес так, что корма очутилась наверху, а нос зарылся в песок. Нос и теперь частью под водой, а корма во время отлива вся на виду. А этот треск, с каким оно ударилось о скалу, ты не поверишь, что это был за удар! Упаси Бог каждого человека от таких ужасов! Хуже нет жизни моряка! Опасная, изменчивая жизнь! Много раз я заглядывал в морскую глубь. И зачем только Господь Бог создал море, я никак не могу понять. Он сотворил долины, пастбища и прекрасные зеленые луга, и всю прекрасную радостную землю. И они воздают Тебе, Творец, хвалу, потому что Ты преисполнил их радостью, как говорится в псалме; не скажу, чтобы я лично был с этим вполне согласен, но все же это хорошо и легче понять, чем такие слова: «А те, что идут в море на судах для торговли, те тоже видят в глубине дивные дела Божии и Его великие чудеса». Ну, это легче сказать, чем испытать. Вероятно, Давид не был хорошо знаком с морем, и, право, если бы это не было сказано в Библии, я был бы очень склонен думать, что море сотворил не Господь, а гнусный черный дьявол. Ничего хорошего море не дает, кроме рыб, а что Господь Бог носится во время бури над морем, на что, вероятно, и намекает Давид, говоря о чудесах, то эти чудеса не всякому завидны и, поверь мне, человеку, горьки были «Christ-Anna» те чудеса, которые ей показал в глубине Бог. Не чудесами я бы назвал их, а скорее Страшным Судом Божиим! Суд среди чертей бездонной глубины. А их души, подумай только об этом, может быть, их души вовсе не были приготовлены к смерти!.. А ведь море – это сущие пустяки по сравнению с адом!

Я заметил, что голос дяди был необычайно взволнован, и сам он был непривычно оживлен в то время, как это говорил. При последних словах он перегнулся вперед через стол, похлопал меня по колену своими костлявыми пальцами и, несколько побледневший от волнения, заглянул мне в лицо; при этом я увидел, что глаза его светились каким-то особенным внутренним огнем, а линии вокруг рта как будто вытянулись и дрожали. Даже приход Рори и поданный

на стол обед ни на минуту не отвлекли его мыслей от того же предмета. Правда, он соблаговолил сделать мне несколько вопросов относительно моих успехов в науках, но он сделал это как-то рассеянно, без особого интереса. И даже во время импровизированной молитвы, по обыкновению очень длинной и сбивчивой, я мог уловить, чем он был озабочен, произнося слова: «Помяни милостию Твоею, Господи, несчастных, слабых, заблудшихся грешников, осужденных жить в этой юдоли, подле великого и коварного моря». Он, очевидно, думал о себе. За обедом дядя обменивался с Рори отдельными короткими фразами.

– Что, он все там? – спросил дядя.

– Ну, конечно! – пробурчал Рори.

Оба они говорили вполголоса, как будто стесняясь чего-то, и даже Мэри, как мне показалось, краснела и опускала глаза в тарелку. Отчасти для того, чтобы дать им понять, что мне кое-что известно, и тем прекратить эту натянутость в нашей маленькой компании, а отчасти подстрекаемый к тому любопытством, я решился вмешаться в их разговор.

– Вы говорите о большой рыбе? – спросил я.

– Какая там рыба? – воскликнул дядя. – Что ты городишь про рыбу, какая это к черту рыба! Видно, глаза у тебя жиром заплыли, человеке, и в голове-то у тебя не все в порядке. Рыба!.. Не рыба это, а водяной!

Он говорил горячась, даже как будто в сердцах, да и я, вероятно, был раздосадован тем, что меня так грубо осадил; а кроме того, молодые люди всегда большие спорщики, и потому я вступил с дядей в препирательство и под конец горячо протестовал против всяких ребяческих суеверий.

– И ты сюда приехал прямо из колледжа! – насмешливо воскликнул дядя Гордон. – Один Бог знает, чему вас только там учат! Во всяком случае, эти науки оказывают вам немалую пользу, как я вижу! Что же ты думаешь, человеке, что в этой громадной соленой пустыне моря так и нет ничего?! Что там только одни водоросли растут, да гуляют морские рыбы и животные пасутся, да солнце день за днем заглядывает и больше ничего? Нет, любезный; море все равно что суша, только оно страшнее. Если здесь, на земле, есть люди, то есть они и там, может быть, не живые люди, но все же люди. А что касается чертей, то хуже морских чертей и на свете нет! От земных чертей, леших и домовых немного увидишь беды, сущие пустяки!.. Что они могут сделать или сказать? Еще в недавние годы, когда я служил на юге, я помню, в Пивском болоте водился старый лысый леший. Я сам видел его однажды; он сидел на корточках, на большой кочке, весь серый, точно могильный памятник; и хотя он с виду был страшный, как громадная жаба, но он никого не трогал. Ну, конечно, если бы мимо него прошел какой-нибудь окаянный грешник, от которого и Сам Бог отказался, не очистивший своей души от грехов, то он, без сомнения, накинусь бы на него, но в глубине морской, на самом дне, есть такие черти, которые готовы наброситься даже и на причастника! Да, господчики мои, если бы вы пошли ко дну вместе с ребятами с «Christ-Anna», то вы знали бы теперь все прелести моря! Если бы вы плавали по морю столько, сколько плавал я, вы возненавидели бы даже и самую мысль о море так же, как я! Бог дал вам глаза, и если бы вы пользовались ими как надо, вы бы давно уже знали о коварстве этого предательского, злого, холодного и притворного моря и всего того, что по воле Бога растет, живет и множится в нем. Раки и рыбы, впивающиеся в мертвые тела, нарвалы и акулы, скользкие, отвратительные, вздутые гады, выбрасывающие фонтаны киты и всякие рыбы, уродливые, одноглазые и слепые, всякая холоднотелая нечисть, мерзкие твари, всякие неосвященные, проклятые Богом чудовища, вот чем кишит морская глубина. Ох, ребяташки, если бы вы только знали все ужасы моря!! Ужасы, каких даже вообразить нельзя! – воскликнул старик.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.